
Илья Хан
Тень вечного неба

Илья Хан

Тень вечного неба

«Автор»
2026

Хан И.

Тень вечного неба / И. Хан — «Автор», 2026

В 1987 году советско-монгольская экспедиция находит в Каракоруме запечатанную рукопись шамана Бэки, которая переворачивает представления о Чингисхане. Согласно ей, Тэмуджин родился после смерти отца по воле грозного божества Хаджир Чингис Тэнгри, а его завоевания были не просто жаждой власти, а попыткой восстановить нарушенный баланс мира — ценой миллионов жизней. Мистическая хроника переплетается с реальными историческими событиями, а небесный чертог девяноста девяти тэнгриев решает судьбы смертных. Но рукопись обрывается предупреждением: равновесие не вечно, и однажды избранник вернётся вновь.

© Хан И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Рукопись, которой не должно было быть. 6
Глава 2. Огонь спорит с камнем. 9
Глава 3. Ночь чёрной степи. 15
Глава 4. Тот, кто слушал ветер. 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Илья Хан
Тень вечного неба

Глава 1. Рукопись, которой не должно было быть.

Земля хранит то, что люди хотят забыть. И иногда она отдаёт это обратно не для того, чтобы напомнить, а для того, чтобы спросить: точно ли вы хотите знать?

Принято думать, что история Чингисхана – это взлёт одного человека, отмеченного удивительной судьбой. Но за этим взлётом стоит то, о чём исследователи говорят редко. Его история началась задолго до его рождения. В этой книге мы попытаемся отыскать ту точку, с которой всё началось. Перед вами рассказ о жизни отца Чингисхана, Есугея, который родился в 1130 году и погиб зимой 1161/1162 года, незадолго до рождения сына. Мы не знаем, что здесь правда, а что вымысел. Но мы знаем, что это одна из возможных историй.

В июне 1987 года советско-монгольская экспедиция работала на юго-западе городища Каракорум, где под слоем земли и песка уже несколько десятилетий угадывались очертания какого-то крупного сооружения. Сначала думали, что это дворец, потом – что храм. В общем, обычная археологическая неразбериха, которая заканчивается либо сенсацией, либо отчётом на восемьдесят страниц, который никто не читает. Но в тот день случилась сенсация. Под северо-западным углом трёхэтажного храма, возведённого, как позже установили, в XIII веке на высоком подиуме с лестницами, археологи наткнулись на каменную плиту, которая не была частью фундамента. Плита была гладкой, отполированной временем, и на ней не было никаких надписей. Только один знак, вырезанный в центре: круг, внутри которого переплетались две линии, образуя что-то похожее на глаз, зрачок которого был пуст.

Плиту подняли – под ней оказалась узкая вертикальная шахта, уходящая вниз на шесть метров. В шахте обнаружили железный ларец, залитый воском и обёрнутый в промасленную кожу, которая, вопреки всем законам времени, не истлела. Ларец вскрыли в тот же вечер, в палатке, при свете двух керосиновых ламп и аккумуляторного фонаря, который то и дело гас. Внутри лежала рукопись – стопка тонких листов неизвестного материала. Позже лабораторный анализ в Новосибирске покажет, что это кожа дикой лошади, обработанная по технологии, которая не встречается ни в одном известном ремесленном трактате той эпохи. Листы были исписаны вертикальными строками. Язык – уйгурское письмо, но с вкраплениями знаков, которые не соответствовали ни одному известному алфавиту.

Первую страницу частично перевели на следующий день. Переводчиком был молодой лингвист из Монгольского государственного университета по имени Дорж. На первой странице было написано: «Я, шаман Бэки, сын шамана Хорчи, пишу это перед лицом Тэнгри и всех духов степи для тех, кто найдёт эту рукопись. Тэмуджин, сын Есугея, не был рождён от обычного человека. Он был рождён по воле великого асара Хаджир Чингис Тэнгри. И потому он стал тем, кем стал, и потому кровь, которую он пролил, не высохнет до конца времён».

Дальнейший текст был записан от имени человека, который был рядом с Чингисханом с первых дней его возвышения и видел то, чего не видели другие. Шаман Бэки не был летописцем, и его рукопись была попыткой объяснить, почему Чингисхан не мог поступить иначе. Кроме того, в рукописи была особенность: она описывала жизнь не только Чингисхана, но и его отца и матери.

Согласно Бэки, за год до рождения Тэмуджина, в 1161 году, над урочищем Делюн-Болдок на берегу Онона произошло знамение, которое позже было истолковано шаманами как «вход Тэнгри в женщину». Шаманы разных племён видели орла, материализовавшегося из ниоткуда и резко планирующего вниз. В степи XII века был нарушен баланс жизни и смерти: бесконечные войны между племенами грозили полным истреблением всего народа. Поэтому, по мнению Бэки, великий асар Хаджир Чингис Тэнгри послал в мир своего избранника – человека,

который должен был восстановить равновесие. Но не миром, а кровью. Потому что, по логике этого божества, только кровь могла остановить кровь.

По официальной версии отец Тэмуджина умер, когда тому было девять лет. Но рукопись описывает события по-другому. Бэки утверждает, что Тэмуджин был рождён уже после смерти своего отца Есугея, который был отравлен шаманом-предателем на пиру у татар. Через много лет Чингисхан решил, что пришло время мстить татарам за отца. Бэки описывает сцену, которая не вошла в хроники: свидетелей было слишком мало, а те, кто выжил, боялись говорить. В 1202 году, после разгрома татар, Тэмуджин приказал вывести для казни всех пленных мужчин ростом выше колеса телеги – это было стандартной практикой того времени. Но вместо того, чтобы казнить их обычным способом, он велел своим воинам сжечь татар, а пепел развеять по ветру. Бэки пишет: «Он говорил, что отдаёт своих врагов Тэнгри, чтобы боги вели счёт поверженным и помнили каждого из них – так он мстил за своего отца Есугея».

Историки до сих пор спорят о дате рождения Тэмуджина. Международная энциклопедия «Британника» указывает промежуток между 1155 и 1162 годами, урочище Делюн-Болдок на реке Онон. Арабские хроники называют 1155 год, китайские источники династии Юань – 1162-й. Монгольский астролог Тэрбиш в 2003 году «вычислил» даже точный день – 3 мая 1162 года. Для рукописи Бэки эта неопределённость не имеет значения. Для него важно другое: Тэмуджин родился тогда, когда Хаджир Чингис Тэнгри решил, что баланс был нарушен. И год, и месяц, и день – всё это было частью одного большого плана, который начался задолго до его рождения и закончился только после его смерти.

Но если следовать хронологии, которую принимает большинство современных исследователей, Тэмуджин все же родился в 1162 году. В двадцать с небольшим он начал объединять племена. К 1206 году на курултае в долине Онона он был провозглашён великим ханом, Чингисханом. К этому моменту под его контролем находились все, кто жил в войлочных шатрах, – монголы, татары, кэрэиты, найманы, меркиты, ойраты. Степь была объединена. Но Хаджир Чингис Тэнгри не собирался останавливаться, и Чингисхан тоже.

Рукопись Бэки перечисляет завоевания и объясняет их логику. Каждый поход Чингисхана был, по мнению шамана, актом приведения мира к единому знаменателю. Мир до Чингисхана был раздроблен: каждое племя, каждый город, каждое государство жило по своим правилам, и эти правила противоречили друг другу. Хаджир Чингис Тэнгри, утверждает Бэки, не мог допустить такого беспорядка. И потому он послал своего избранника, чтобы тот унифицировал мир, даже если эта унификация означала уничтожение миллионов.

Первой жертвой стал Северный Китай. В 1211 году монгольские войска вторглись в пределы империи Цзинь. К 1215 году пал Пекин. Бэки пишет, что, когда город был взят Чингисханом, он сначала приказал сосчитать жителей. Три дня писцы, приставленные к войску, ходили по улицам и записывали имена. На четвёртый день Чингисхан приказал вывезти из города все ценности, а затем сжечь его вместе с жителями. Пожар продолжался неделю. Дым был таким густым, что, по свидетельству китайских хроник, солнце не могло пробиться сквозь него и днём. Число погибших в Пекине и других городах Северного Китая оценивается от сотен тысяч до нескольких миллионов. Современные исследователи, суммируя данные персидских и китайских источников, говорят о миллионах жертв.

Некоторые оценки общего числа погибших в результате кампаний Чингисхана достигают 40 миллионов человек. Цифры эти взяты из персидских и китайских источников и у разных исследователей расходятся в разы, в рукописи Бэки их нет. Бэки не осуждает такие жертвы. Он описывает, как Чингисхан после взятия Бухары в 1220 году поднялся на минарет главной мечети и произнёс: «Я – кара Тэнгри. Если бы вы не совершили грехов, Тэнгри не послал бы меня на вас». Эта фраза вошла в персидские хроники. Но Бэки добавляет то, чего нет в хрониках: после этих слов Чингисхан сказал только для своих: «Баланс ещё не восстановлен, нужно ещё».

И «ещё» было. Отрар, город, с которого началась война с Хорезмом, был разрушен до основания. Бухара, Самарканд, Ходжент, Мерв, Нишапур, Герат, Балх – все эти города, бывшие центрами исламской цивилизации, были уничтожены. Мерв был стёрт с лица земли; по свидетельству историков, погибло около 700 000 человек. В Нишапуре, по некоторым данным, было убито около 1 747 000 человек. Бэки пишет, что Чингисхан лично присутствовал при подсчёте жертв в Нишапуре. Рукопись Бэки объясняет эту жестокость не садизмом и не безумием. Она объясняет её одержимостью: Чингисхан был человеком, который убивает, потому что не может остановиться. Хаджир Чингис Тэнгри сделал его своим избранником, и этот избранник не имел кнопки «выключить». Каждый раз, когда мир казался ему «недостаточно сбалансированным», он начинал новый поход. Каждый раз, когда число жертв казалось ему «недостаточным», он шёл дальше. Бэки пишет: «Он не спал ночами, ходил по шатру и считал шаги, считал звёзды. И когда счёт сбивался, он начинал войну».

К моменту смерти Чингисхана в 1227 году под его властью находились территории, которые сегодня включают Монголию, Северный Китай, Южную Сибирь, Среднюю Азию, северо-восточный Иран, степи Казахстана и юга России, территорию тангутского государства. Походы монголов при Чингисхане и его преемниках охватили Иран, Междуречье, Закавказье, Корею, Тибет, часть Малой Азии; была покорена Киевская Русь, разгромлены Волжская Булгария и государства Кавказа. Это отчёт, который Чингисхан должен был представить Хаджир Чингис Тэнгри после смерти. И Бэки верит, что этот отчёт был принят.

Чингисхан умер 25 августа 1227 года во время своего последнего похода против тангутов, в Хара-Хото, ныне – территория Нинся-Хуэйского автономного района КНР. Обстоятельства его смерти до сих пор остаются загадкой: одни источники говорят о болезни, другие – о падении с лошади, третьи – о ранении стрелой, четвёртые – о том, что его убила тангутская принцесса во время близости. Бэки пишет только: «Баланс в мире был восстановлен, поэтому Хаджир Чингис Тэнгри забрал своего избранника назад. И Чингисхан ушёл счастливым, потому что знал, что его работа выполнена». Но рукопись Бэки заканчивается не на смерти Чингисхана. Она заканчивается предупреждением. Последние строки, написанные дрожащей рукой, гласят: «Я, Бэки, видел то, что видел, и записал то, что записал. Но я знаю: баланс не бывает вечным. Потому что мир снова наполнится людьми, и снова нарушится равновесие, и снова Хаджир Чингис Тэнгри пошлёт своего избранника».

Изучив рукопись Бэки, мы можем попытаться воссоздать всю хронологию событий, предшествующих рождению великого Чингисхана.

Глава 2. Огонь спорит с камнем.

Небо не говорит, а просто смотрит. И когда видит того, кто может изменить мир, даёт ему силу, но не говорит, что будет дальше.

За пределами человеческого понимания, выше самых высоких гор, выше облаков, выше самого неба, которое видят смертные, раскинулся Тэнгэрийн Ордон – небесный чертог, обитель девяноста девяти. Это место не было ни раем, ни адом, как понимали их люди. Чертог был реальностью, существовавшей параллельно миру смертных, но при этом пронизывавшей его насквозь, как свет пронизывает воду. Сердце мироздания монголов, средоточие всех сил, законов и судеб. У этого пространства была своя структура, как у кристалла, который кажется монолитным, но при внимательном взгляде распадается на тысячи граней.

Тэнгэрийн Ордон был разделён на три уровня. Люди, если бы они могли это видеть, назвали бы их небом, землёй и преисподней. Но это были не те небо, земля и преисподняя, о которых говорили старики у костров, – это были их истинные прообразы.

Верхний уровень – высшее небо. Место, где обитали самые древние, самые могущественные, самые почитаемые из девяноста девяти. Здесь царил вечный свет, который не слепил и не отбрасывал теней. Здесь были только вечность и покой, мир гармонии, порядка и совершенства. И это был мир, в котором решались судьбы миров.

Средний уровень – срединное небо. Место, где обитали тэнгрии, которые были ближе к людям, чем к богам. Духи ветров, облаков, рек, озёр, гор и лесов. Они были посредниками между верхним небом и миром смертных, передавали волю богов людям и мольбы людей богам. Здесь царил вечный рассвет, который был мягким и тёплым. Это был мир, в котором кипела жизнь.

Нижний уровень – нижнее небо. Место, где обитали тёмные тэнгрии – духи, которые олицетворяли силы, враждебные человеку. Духи болезней, голода, смерти, гнева, зависти, предательства. Духи были частью равновесия, без которого мир не мог существовать. Здесь царила вечная ночь – это был мир, в котором зрели семена всего плохого, что происходило в других мирах.

И над всеми тремя уровнями, пронизывая их насквозь, как ось пронизывает колесо, возвышалась Сумбэр Уул – священная гора, центр мироздания. На этой горе находился золотой трон, где собирались девяносто девять для решения судеб мира. И именно туда, к золотому трону, направлялся сейчас Хаджир Чингис Тэнгри. Золотой трон был вырезан из цельного кристалла, который светился изнутри, как живое существо, и его свет был виден во всех трёх уровнях Тэнгэрийн Ордона. Вокруг него, образуя широкий круг, располагались места для девяноста девяти – пьедесталы, на которых каждый тэнгрий мог материализоваться, когда того требовала необходимость.

Сейчас эти места были заняты: девяносто девять собрались все до единого. Это случалось редко – только в самых важных случаях, только в самые судьбоносные моменты. И то, что они собрались сегодня, означало, что происходит нечто из ряда вон выходящее, что изменит мир. Число девяносто девять не было случайным. В чертоге оно считалось священным, потому что было совершенным. Оно было пределом, за которым начиналось небытие. Девяносто девять тэнгриев составляли пантеон, управлявший судьбами мира монголов. Каждый из них олицетворял какую-то силу: гром, молнию, ветер, солнце, луну, звёзды, войну, мир, любовь, смерть, рождение, мудрость, безумие. Каждый из них был гранью вечного неба, которое монголы называли Тэнгри и которому поклонялись с незапамятных времён.

Девяносто девять не были равны. На вершине этой иерархии стояли семеро, кого называли асар – великие. Они были теми, кто создал мир и управлял им с самого начала. Но и

среди семерых асар были те, кто стоял выше остальных: Эсэгэ Малан Тэнгри и Хаджир Чингис Тэнгри. И их противостояние определяло судьбу всего сущего.

Первым среди асар и старейшим из всех был Эсэгэ Малан Тэнгри. Его лицо было скрыто за завесой облаков. Увидеть можно было только глаза – огромные, всевидящие, холодные, как вечный снег на вершинах. Они смотрели из этой завесы, пронзая пространство и время, и видели прошлое, настоящее, будущее. Они видели мысли смертных, тайны мироздания, всё то, что было скрыто от всех остальных. Эсэгэ был мудр, но в большинстве случаев безразличен ко всему. За миллионы лет он видел столько войн, столько смертей, столько разрушений, что перестал испытывать к ним интерес. Он был как гора, огромная и неподвижная, и, как гора, был безразличен к бурям, которые бушевали у его подножия.

Вторым среди асар и полной противоположностью Эсэгэ был Хаджир Чингис Тэнгри. Он был покровителем огня страсти, ярости, жажды перемен, гнева, вдохновения, бунта и творчества. Его глаза горели, как степные пожары, и были оранжево-красными, с чёрными зрачками. Его волосы развевались, как дым, руки двигались, как языки пламени, его голос звучал, как треск горящего хвороста. Он не мог стоять на месте: Хаджир был как огонь, который живёт, пока горит, и умирает, когда гаснет. Он олицетворял собой перемены, которые несут разрушение и возрождение, смерть и жизнь, хаос и порядок. Он верил, что мир должен меняться, что люди должны расти, развиваться.

После Эсэгэ и Хаджиром стояли пятеро других асар. Бурхан-Халдун, дух священной горы. Он был высок, выше всех остальных асар, и его тело было покрыто камнем. Он олицетворял собой терпение, которое происходит от силы. Терпение, которое знает, что всё придёт в своё время. Но в отличие от Эсэгэ он не был безразличен. Он наблюдал, переживал, ждал и надеялся. Хэй-Мори, дух ветра, был быстрее всех остальных асар. Его тело было соткано из воздуха и света. Его голос звучал как свист ветра в ушах, и его слова были быстрыми, как мысль. Он олицетворял собой свободу, рождённую из силы – силу, которая может лететь куда угодно и не признаёт границ. Он поддерживал Хаджира потому, что не мог иначе: бездействие было для него смертью, а он хотел жить. Саран-Гоохон, дух ночи. Она была прекраснее всех остальных асар. Её тело светилось мягким, серебристым светом. Её голос был мягким, как лунный свет. Она олицетворяла собой сострадание, которое видит боль и чувствует её. Она была как луна, которая смотрит на мир каждую ночь и плачет, видя его несовершенство. Она колебалась между Эсэгэ и Хаджиром, потому что понимала обоих. Она понимала, что перемены нужны, но она также понимала, что перемены несут боль. Эрлик-Хан, владыка подземного мира, дух смерти. Он был страшнее всех остальных асар. Его тело было соткано из тьмы и холода. Он олицетворял собой неизбежность, которая знает, что всё закончится, что смерть придёт ко всем. Он не поддерживал ни Эсэгэ, ни Хаджира, потому что знал: что бы ни случилось, в конце всё равно придёт смерть. И, наконец, Отуган-Эке, дух плодородия. Она была теплее всех остальных асар. Её тело было соткано из земли и травы. Она олицетворяла собой жизнь, которая происходит от любви. Жизнь, которая рождается, растёт, цветёт. Она поддерживала Хаджира, потому что верила в жизнь: что даже через смерть и страдания она продолжается, что даже через тьму пробивается свет.

Хаджир Чингис Тэнгри встал в центр круга, образованного асарами. Его глаза горели, и в них отражалось пламя, которое он держал в руках. Это было видение, в котором разворачивались картины будущего.

– Смотрите, что я вижу, – Хаджир развёл руки, и пламя взметнулось ввысь, заполняя пространство.

Семеро асар обратили свои взоры к этому пламени. Перед ними разворачивалась страна – огромная, единая, связанная дорогами и законами империя, раскинувшаяся от Жёлтого моря до Каспия, от сибирских лесов до персидских пустынь. Империя, которой не было равных по размеру, мощи и славе. В центре этой империи стоял трон из человеческих черепов, отполи-

рованных до блеска. Сотни, тысячи черепов побеждённых врагов, покорённых царей, предавших друзей. В подлокотники были вделаны мечи и копья, спинка трона была составлена из щитов. А на самом верху красовалась голова волка, вырезанная из чёрного камня, с глазами из красных рубинов. На троне сидел старик, в котором чувствовалась такая сила, такое величие, такое спокойствие, что становилось ясно: он не просто сидит на троне, а является его частью. Его лицо было покрыто морщинами, седые волосы спадали на плечи, борода была длинной и спутанной. Его глаза смотрели на мир без жалости. И имя ему – Чингисхан.

За его спиной висела карта мира, огромная, натянутая на деревянную раму. На ней были изображены земли, моря, реки, горы, и половина этой карты была залита красным. Эта краска расползалась от центра к краям, пожирая всё новые и новые территории. Вокруг трона стояли люди. Воины в доспехах, покрытых пылью и кровью, полководцы с суровыми лицами, советники в дорогих одеждах. Жёны, наложницы, дети, рабы, слуги, пленники. Все они смотрели на старика с трона, и в их взглядах был страх. Но все они до единого признавали его власть. Власть Чингисхана, повелителя мира.

Видение продолжалось, мелькали картины битв, в которых тысячи воинов сталкивались в смертельной схватке. Города горели, охваченные пламенем. Дороги, по которым шли караваны с сокровищами. Пустыни, где кости павших белели под солнцем. Степи, где всадники скакали на быстрых конях. И над всем этим был золотой орёл, который кружил в вышине и смотрел на мир, созданный им. Орёл, который был символом этой империи и этого человека.

– Вот кем он станет, – сказал Хаджир, и в его голосе звучала гордость. – Чингисхан, повелитель всех народов. Создатель величайшей империи в истории человечества. Его слава будет вечной, а имя будут произносить с ужасом и трепетом. Его законы будут изучать через тысячи лет, а потомки будут править половиной мира.

Хаджир сделал паузу, пламя перед ним дрогнуло, и картины начали меняться. Трон из черепов исчез, империя растаяла, как дым. Осталась только бескрайняя, дикая степь. И в этой степи – маленькие, слабые, разрозненные люди. Они сражались друг с другом, убивали друг друга, предавали друг друга. Они не знали ни закона, ни порядка, ни единства.

– Но путь начнётся не с него, – продолжал Хаджир. – Путь начнётся с его отца, который умрёт, чтобы родился сын неба, с его матери, которая впустит его в этот мир.

Пламя снова вспыхнуло, в нём появились новые картины. Мужчина с суровым лицом, женщина с печальными глазами, держащая на руках младенца. Шаман с завистливым взглядом, битвы, походы, предательства, смерти.

– Это будет началом пути Чингисхана, которому судьбой будет предназначено завоевать полмира.

Завеса облаков, скрывавшая лик старшего из асар, раздвинулась, и все увидели его глаза.

– Нет, этого не должно случиться.

Хаджир повернулся к нему. Его глаза вспыхнули ещё ярче.

– Ты не можешь остановить это, Эсэгэ, даже если сильно захочешь. Колесо судьбы уже раскручено, орёл уже летит вниз.

– Я не говорю о том, что хочу это остановить. Я говорю о том, что мы вместе должны это остановить. Будет слишком много крови, разрушений и страданий. Этот Чингисхан уничтожит миллионы людей, сожжёт города, сравняет с землёй царства, истребит народы. Он принесёт в мир такое зло, какого ещё не видел свет.

– Он принесёт в мир порядок, – возразил Хаджир. – Единый закон и единую власть. Это будет конец бесконечным войнам между племенами и народами. Разве это не благо?

– Ты называешь благом то, что будет построено на костях? Ты называешь порядком то, что будет держаться на страхе? Ты называешь законом то, что будет писаться кровью?

– А что предлагаешь ты? – Хаджир шагнул вперёд, и пламя вокруг него вспыхнуло.

– Оставить всё как есть? Пусть монголы продолжают убивать друг друга, пусть степи остаются раздробленными, пусть слабые гибнут от рук сильных? Ты хочешь сохранить этот хаос?

– Хаос – естественное состояние мира. Человек рождается, живёт и умирает. Племена воюют, заключают союзы, распадаются. А то, что ты предлагаешь, – кровь и смерть.

– Ты просто боишься перемен, – сказал Хаджир. – Ты стар, Эсэгэ, видел слишком много, и ты устал. Ты хочешь, чтобы мир оставался таким, каким ты его знаешь, – болотом, в котором гниют миллионы жизней.

– Я не боюсь перемен, я боюсь цены, которую придётся заплатить. Ты видишь только славу, только величие, только победу, но не видишь слёз матерей, потерявших сыновей, криков детей, которых убивают на глазах у родителей, не чувствуешь боли отцов, которые хоронят своих детей. А я вижу, слышу и чувствую. И я не хочу этого.

– Тогда ты просто старик, который боится всего вокруг.

Остальные асары затаили дыхание: никто не осмеливался говорить с Эсэгэ Малан Тэнгри так до сегодняшнего дня. Эсэгэ замолчал, его глаза смотрели на Хаджира без гнева.

– Ты назвал меня стариком – так и есть, я стар. Я видел, как рождаются и умирают звёзды, как возникают и исчезают цивилизации. Я видел, как приходят и уходят другие боги. И знаешь, что я вынес из этого? Что всё повторяется, всё циклично. Рождение, смерть, возрождение. Империи возвышаются и падают. Народы процветают и гибнут. Герои совершают подвиги и забываются. Твой Чингисхан создаст империю, но и она распадётся, а затем всё вернётся на круги своя. Так зачем эта кровь, если результат будет тот же самый?

– Результат не тот же самый. Ты смотришь на историю как на бесконечный цикл, но это не так. Каждая империя, каждая эпоха, каждый герой оставляют след. Они меняют мир, пусть не сразу, пусть не полностью, но меняют. И Чингисхан изменит его больше, чем кто-либо до него. Он создаст идею единого мира, порядка и закона. И эта идея будет жить вечно, даже когда его империя падёт.

Эсэгэ снова замолчал. Он смотрел на Хаджира, и в его глазах появилась печаль.

– Ты не понимаешь, потому что ты – огонь. Ты видишь цель и идёшь к ней, не замечая, что топчешь по пути. А я вижу путь и знаю, что путь важнее цели.

– Красивые слова, но пустые. Ты не хочешь нести ответственность – ты хочешь просто наблюдать за монголами как зритель. Но мы должны быть творцами, иначе какие мы боги?

Хаджир повернулся к остальным асар.

– Братья и сёстры, вы слышали слова Эсэгэ, в которых есть страх. Но я спрашиваю вас: разве мы созданы для страха и бездействия? И если мы не будем творить, если мы не будем действовать, если мы не будем менять мир, то кто это сделает? Смертные слабы и слепы. Они лишь глина, из которой мы лепим. И сейчас я предлагаю слепить из этой глины нечто великое, что изменит всё и будет жить вечно.

Многие из асар кивали, соглашаясь.

– Но Эсэгэ против. Он боится, он хочет, чтобы мы остались в тени, наблюдая, как мир гниёт в хаосе. Эсэгэ предлагает нам бездействие. И я спрашиваю вас: пойдёте ли вы за ним или пойдёте за мной?

Асары смотрели друг на друга, и в их глазах отражались сомнения. Каждый задумался, потому что знал, что от этого выбора зависело будущее всего мира. Первым заговорил Бурхан-Халдун.

– Я стою на одном месте уже миллионы лет. Я тоже видел, как приходят и уходят племена. И я знаю, что ничто не вечно, но я также знаю, что есть вещи, которые стоят того, чтобы их создавать, чтобы за них бороться, даже если победа невозможна. И я думаю, что Хаджир прав: мы должны действовать.

Следующим заговорил Хэй-Мори.

– Я не могу стоять на месте, я должен двигаться, лететь, менять. И я поддерживаю Хаджира, потому что я не могу иначе. Бездействие – смерть для меня, а я хочу жить.

За ним – Саран-Гоохон.

– Я вижу всё, что происходит на земле. Я вижу войны, болезни, смерти, вижу, как люди убивают друг друга. И я плачу каждую ночь, глядя на этот мир. Но я также вижу, что люди способны на большее. Они способны на любовь, на жертву, на подвиг. И я думаю, что нужно дать им шанс. И если для этого нужен Чингисхан, то пусть будет Чингисхан.

Эрлик-Хан смотрел на пламя, где разворачивалось будущее, и его глаза были холодны, как лёд. Он не поддерживал ни Эсэгэ, ни Хаджира. Он просто ждал, потому что знал: что бы ни случилось, в конце всё равно придёт смерть.

Своё решение огласила и Отуган-Эке.

– Я рождаю жизнь и принимаю её обратно, когда она умирает. И я знаю, что жизнь не только боль, но также радость. И я верю, что даже через боль можно прийти к радости. Я поддерживаю Хаджира, потому что я верю в жизнь. Я верю, что даже через смерть и страдания жизнь продолжается.

Один за другим остальные из девяноста девяти тоже высказывались. Одни поддерживали Хаджира, другие – Эсэгэ. Одни верили в будущее, другие боялись его. Тэнгэрийн Ордон наполнился голосами, спорящими, убеждающими, умоляющими. Но среди всех этих голосов один оставался молчаливым – самый древний, самый мудрый, самый могущественный. Эсэгэ Малан Тэнгри слушал и ждал. Когда голоса начали стихать, когда страсти немного улеглись, Эсэгэ поднял взгляд. Все голоса умолкли, даже Хаджир, полный огня и уверенности, невольно отступил на шаг.

– Вы решили идти за Хаджиром, создать Чингисхана и изменить мир. Я не буду вам мешать. Вы вольны делать то, что считаете нужным, но я предупреждаю вас: цена будет ужасной. Вы получите такую войну, какой мир ещё не видел. И когда вы поймёте, будет уже поздно. Но есть одно условие, одно-единственное условие, при котором я не буду препятствовать вам.

Хаджир напрягся:

– Какое условие, Эсэгэ?

– Я хочу, чтобы вы запомнили каждую смерть, которую вы принесёте. Я хочу, чтобы вы видели их всех до единого. Всех, кто погибнет из-за вашего выбора. Всех, кто будет страдать от Чингисхана. Я хочу, чтобы вы несли это бремя, потому что если вы не сможете, если вы отвернётесь, если вы забудете, если вы оправдаетесь, тогда вы не боги, а лишь палачи. И тогда я приду и спрошу с вас по полной.

Хаджир выдержал его взгляд. В глазах духа огня была решимость.

– Я принимаю твоё условие. Я буду помнить каждую смерть, каждую слезу, каждую боль. Я понесу это бремя и буду нести его до конца всего сущего.

– Тогда делай, что задумал, Хаджир, повелитель огня.

Эсэгэ отвернулся, завеса облаков снова сомкнулась, скрыв его лицо. Хаджир Чингис Тэнгри остался в центре круга, образованного асар. Пламя вокруг него всё ещё горело, но теперь оно казалось более мрачным. Он чувствовал на себе взгляды других богов. Одни смотрели с одобрением, другие с сомнением, третьи с ужасом. Но он не обращал на них внимания. Он смотрел в пламя, где разворачивалось будущее.

– Ты готово? – спросил он у пламени.

Пламя вспыхнуло в ответ.

– Тогда начинаем, – сказал Хаджир.

Он взмахнул рукой, и пламя взметнулось ввысь, заполняя весь Тэнгэрийн Ордон. Девяносто девять тэнгриев замерли, глядя на это зрелище. В вышине, над Тэнгэрийн Ордоном, орёл расправил крылья. Орёл с глазами, полными мудрости и ярости, посмотрел вниз, на землю, которая ждала своего избранника. Затем полетел вниз, к людям.

– Путь начался. Теперь мы можем только смотреть и ждать, пока орёл долетит до земли, пока родится тот, кто станет сыном неба. Ждать, пока его судьба свершится.

Хаджир вновь посмотрел на пламя, где увидел женщину, которая ждала ребёнка, которого назовут Есугеем. Но это было лишь будущее. Для асар время не имело значения. Для людей же с этого дня до рождения Есугея прошло ещё тридцать лет, а до рождения его сына – шестьдесят два года.

Глава 3. Ночь чёрной степи.

Когда Небо хочет изменить мир, оно посылает семя и ждёт, пока семя прорастёт. Но семя не знает, что оно семя, оно просто живёт.

Монгольская степь в 1130 году простиралась во все стороны, как застывшее море. Она не имела конца, и не было ей пределов. Для монголов она была домом, матерью для тех, кто родился на её просторах, и мачехой для тех, кто осмелился бросить ей вызов. Летом степь была зелёной, из-за молодой травы, и местами жёлтой, как спелая пшеница. Ковыль серебрился под ветром, словно седые волосы древних старцев, и волнами катился до самого горизонта, где небо сливалось с землёй в одну бесконечную линию. Зимой степь была белой от снега, и серой, как пепел. Ветер гнал по ней снежный вихрь, и он стелился по земле, как дым. Весной степь была пёстрой, как шкура барса, и яркой, как пожар. Тюльпаны и маки вспыхивали алыми и жёлтыми пятнами на фоне молодой зелени, и казалось, что сама земля горит, охваченная пламенем. Осенью степь была бурой, как старая кожа, и красной, как кровь. Трава высыхала и становилась жёлтой, ветер носил по ней сухие листья, которые приятно шуршали.

Но этой ночью степь была чёрной. Тучи закрыли луну и звёзды, а тьма стала такой сильной, что её будто бы можно было потрогать руками. Она давила на глаза, проникала в лёгкие с каждым вдохом, наполняя тело тяжестью. Но и в это время степь не была пустой. Она была полна жизни: в траве прятались кузнечики, ящерицы, сверчки и пауки. В норах сидели сурки, тушканчики, мыши и хомяки. В небе парили орлы, ястребы, соколы и коршуны. И в эту ночь степь смотрела на маленькую точку – на юрту, стоявшую на берегу реки Онон. Река Онон была артерией степи, особенно для тех, кто жил на её берегах. Её вода была чистой, как горный лёд, и сладкой, как материнское молоко. Её течение было быстрым, как характер кочевника. Река не знала преград и не признавала препятствий. Её берега были плодородными: здесь росла густая трава, паслись крупные стада, и здесь же строили свои стойбища племена. Вдоль берегов Онона росли корявые ивы с длинными ветвями, которые свешивались к воде, словно руки, тянущиеся к чему-то недосягаемому. И на этом берегу, где река делала широкую петлю, оставляя после весенних паводков плодородный ил, раскинулся улус рода кият-борджигин. Улус жил по своим законам и обычаям. Его жители не знали другого мира, да и не хотели знать. Улус кият-борджигин был не самым большим, но и не самым маленьким. В нём было сорок юрт – серых полусфер, стоявших двумя широкими кругами. Внешнее кольцо занимали семьи воинов. Внутреннее, меньшее по размеру, но выше и богаче убранством, принадлежало самому вождю, его семье и старейшинам. Юрты того времени делали круглыми; они были мягкими и тёплыми. Полог юрты всегда был обращён на юг, чтобы солнце заглядывало внутрь, ветер не задувал, а злые духи не могли войти. В центре юрты горел очаг: там готовилась пища, там же собирались гости и члены семьи. Дымовое отверстие вверху, стены из войлока. Между юртами горели костры, но сегодня их было мало, потому что приближалась гроза, и люди спешили укрыться.

Шёл месяц февраль, юрта Бартан-багатура стояла на самом краю внутреннего круга, у самого берега Онона. Она была больше других, потому что он был вождём, и его юрта должна была соответствовать его статусу. Но сегодня даже эта юрта, самая крепкая и самая защищённая, дрожала под напором ветра. Ветер пришёл с запада, он гнал перед собой тяжёлые, набухшие влагой тучи, которые ползли по небу, как стадо чёрных овец, ведомое невидимым пастухом. Он свистел в ушах, выл в щелях, стонал в траве, рвал войлок юрты, пытаясь сорвать его с каркаса, и войлок трещал, как парус на ветру. Такой сильный ветер заставлял людей прижиматься к земле, закрывать глаза, просить защиты у Тэнгри.

Бартан-багатур стоял у входа в юрту и смотрел на небо. Он был высок, выше всех своих соплеменников, и широкоплеч. Он был вождём рода кият-борджигин, потомком великого Хабул-хана, объединившего когда-то многие монгольские племена. Его имя означало «крепкий герой», и он оправдывал его всю свою жизнь. Ему было сорок три; его лицо было обветренным, покрытым морщинами. Его лоб был широким, брови густыми, глаза чёрными, глубоко посаженными. Борода была густой и длинной, тронутой сединой; он не брил её, как и подобало воину, который знал, что борода – это символ мужества. Его волосы были заплетены в две косы, которые свисали на грудь. На нём был длинный стёганый халат из плотной ткани, подпоясанный кожаным ремнём с бронзовыми бляхами, на каждой из которых был вырезан волк. Волк был символом рода кият-борджигин. На ногах у него были мягкие сапоги из кожи с загнутыми носами. На поясе висел меч в деревянных ножнах, обтянутых кожей. Бартан был воином: всю свою жизнь он провёл в седле с мечом в руке, защищая свои земли от меркитов и татар, отбивал стада, расширял владения рода. Он видел смерть сотни раз и всегда встречал её стоя, с оружием в руках. Убивал, когда это было нужно, но не был жесток без нужды. Он был вождём и нёс это бремя, как подобает мужчине.

Но сейчас, стоя у юрты, где мучилась в родах его жена, он чувствовал себя беспомощным. Это было чувство, которое он ненавидел больше всего на свете. Здесь, в юрте, кричала его жена, рождался его сын, и он не мог ничем ей помочь.

Рядом с ним стояли его ближники – старые воины, прошедшие с ним множество битв. Их было трое. Первый, Мунхэ, старый мужчина с изуродованным от шрама лицом, которое пересекало левую щёку от глаза до подбородка, – память о битве с татарами двадцать лет назад. Второй, Хачиун, был моложе, и его лицо ещё не успело покрыться морщинами. Он был быстр, силён и безжалостен; Бартан ценил его за преданность и умение действовать без лишних вопросов. Третий, Буха, шаман рода, могущественный и уважаемый. Его обязанностью было защищать воинов в походах, предсказывать исход битв и умилостивлять духов. Сейчас он бросал в огонь сухие травы, и едкий, пряный дым поднимался к небу, смешиваясь с запахом приближающейся грозы.

Они молчали, только изредка бросали взгляд на запад, где всё ярче вспыхивали молнии, и хмурились. Бартан смотрел на небо. Монголы считали небо богом и называли его Тэнгри – вечным небом, а иногда просто небом, вкладывая в это название всю свою веру. Монголы не строили храмов, не делали идолов, не писали священных книг. Они верили, что Тэнгри видит всё, и верили, что Тэнгри решает, кому жить, кому умереть, кому победить, кому проиграть. Они поклонялись ему, жили так, чтобы Тэнгри был доволен, а умирали так, чтобы Тэнгри запомнил их имена.

Сегодня небо было чёрным, молнии вспыхивали то тут, то там, грохотал гром. Трава пригнулась к земле, деревья скрипели, река Онон потемнела. Всё живое спряталось, только ветер гулял на свободе. Бартан смотрел на небо и думал о том, что эта ночь – не обычная ночь. Такая ночь может быть связана с ребёнком, который должен был родиться. Он вспомнил сон, который видел несколько месяцев назад. Ему приснилась женщина с лицом из света, которая держала в руках младенца. Младенец смотрел на него, и в глазах младенца был орёл, который кружил над степью. Бартан проснулся тогда в холодном поту и долго не мог уснуть. Он рассказал сон только ещё одной шаманке по имени Улгэн. Она выслушала его, не перебивая, и потом сказала:

– Это не просто сон, а знамение. Твой сын будет особенным, но не спрашивай меня, что это значит; придёт время, и ты узнаешь всё сам.

Он не говорил об этом никому, даже своей жене Сунигул. Внутреннее пространство юрты сейчас было освещено несколькими маленькими глиняными плошками, в которых плавали фитили из скрученного войлока, пропитанного жиром. Их неровный, дрожащий свет отбрасывал пляшущие тени на стены, увешанные коврами, шкурами и оружием. Дым от очага, рас-

положенного в центре, поднимался вверх, к дымовому отверстию, но сегодня ветер то и дело загонял его обратно, и воздух в юрте был горьким и удушливым. На почётном месте, у северной стены, на низком помосте из досок, застеленном шкурами волков и барсов, лежала Сунигул. Её лицо было искажено болью, волосы растрепались и прилипли к влажному лбу. Она дышала тяжело, и время от времени стон вырывался из её искусанных губ. Сунигул была женой Бартана, его спутницей, советчицей и опорой. Она была из уважаемого рода олхонут. Её отец был воином, погибшим в битве с меркитами, когда ей было десять лет, а мать умерла от болезни, когда ей было пятнадцать. Она осталась одна и выжила. Затем Сунигул вышла замуж за Бартана, когда ей было восемнадцать, и стала ему верной, образцовой женой. Они прожили вместе восемь лет, и это был их пятый ребенок. До этого дня Сунигул родила уже двух сыновей и потеряла двух дочерей, умерших в младенчестве. И сейчас, лежа на шкурах, она знала, что это – её последний ребёнок. Вокруг неё суетились жёны воинов, повитухи, служанки. Гоа, жена Мунхэ, держала Сунигул за правую руку. Молодая жена Хачиун держала Сунигул за левую руку. Бортэ, старая служанка, вытирала пот с лица Сунигул смоченной в холодной воде тряпкой. Другие женщины из соседних юрт готовили отвары и чистые подстилки. Они шептались между собой, бросая испуганные взгляды на присутствующую Улгэн, и их руки дрожали. Улгэн не принимала участия при рождении других детей в улусе, но в этот раз сделала исключение.

Улгэн сидела у изголовья роженицы. Она была так стара, что никто в улусе не помнил, когда она появилась здесь. Говорили, что она пришла из-за Байкала, где живут люди с собачьими головами и птичьими клювами, и что она видела времена, когда монголы ещё не носили это имя. Говорили, что она была женой великого шамана, который умер, передав ей своё знание. Говорили, что она была дочерью духа и смертной женщины. Говорили разное – но все сходились в одном: она была могущественной. Её лицо было покрыто морщинами, а правая глазница пуста. Там, где когда-то был глаз, зияла тёмная впадина, прикрытая веком. Но левый глаз горел ярким огнём, и этот глаз видел больше, чем два глаза любого зрячего. Она была одета в длинный халат из тёмной шерсти, украшенный бусами, амулетами и лентами. На её шее висело ожерелье из волчьих зубов и медвежьих когтей. На руках были браслеты из меди и бронзы, которые звенели при каждом движении. На голове была шапка из лисьего меха, с лисьим хвостом, свисавшим на спину. Улгэн была удуган – женщиной, которая могла говорить с духами, видеть прошлое и будущее, лечить болезни, насылать проклятия. К ней приходили за советом вожди и воины. Её слова могли возвысить человека или уничтожить его. И сейчас, склонившись над Сунигул, она бормотала заклинания на древнем языке, который понимали только духи и несколько стариков, помнивших времена, когда люди говорили иначе. Слова были непонятны, но их ритм успокаивал Сунигул. Боль отступала, страх уходил. На стенах юрты висели священные изображения духов-покровителей рода. Вырезанные из дерева и кости, украшенные лентами и бусинами, они смотрели на происходящее пустыми глазами. Улгэн время от времени бросала на них взгляды, словно советуясь с ними. В углу юрты, на специальной подставке, стоял сундук с приданым Сунигул – кожаный, окованный медными полосами, с замком в виде волчьей головы. В нём лежали вещи, которые она принесла с собой в дом мужа: шёлковый халат, доставшийся ей от матери, серебряные украшения, подаренные отцом, мешочек с сушёными травами, которые, по поверью, приносили удачу. Сундук был закрыт, но сегодня, в эту ночь, его откроют, чтобы достать первую пелёнку для новорождённого. На очаге, в котле, кипела вода для всего, что может понадобиться. Всё было продумано, готово, оставалось только ждать появления ребёнка.

– Бартан, – сказал Мунхэ, подходя ближе. – Небо гневается, может быть, стоит принести жертву?

– Жертву? – переспросил он, оборачиваясь к Мунхэ. – Какую жертву предлагаешь, барана или козла?

– Любую, духам подойдёт всё что угодно.

Бартан усмехнулся.

– Духи уже и так получают от нас жертву. Они получают боль и кровь моей жены. Думаю, этого достаточно.

Мунхэ не стал спорить. Он знал: когда Бартан говорит таким тоном, лучше молчать. Хачиун, стоявший чуть поодаль, вдруг выпрямился и указал рукой на запад.

– Смотрите, там что-то двигается в нашу сторону.

Все повернулись. Над горизонтом, где тучи сгустились в сплошную чёрную стену, вспыхнула такая яркая молния, что на мгновение стало светло, как днём. И в этом свете они увидели всадника. Он скакал по степи на белом коне, с развевающимися волосами. Он был далеко, но что-то в его облике показалось Бартану знакомым.

– Кто это может быть в такую-то погоду? – спросил Хачиун.

Бартан не ответил. Он смотрел на всадника, и в его груди что-то сжалось. Молния сверкнула снова, и всадник исчез, словно его и не было. Только белый конь ещё мгновение виднелся в темноте, а потом тоже пропал. И на мгновение Бартану показалось, что из этого образа материализовался орёл, который также пропал за одно мгновение.

– Ты тоже это видел? – спросил Мунхэ.

– Что-то видел. Может, просто молния ударила в землю, – ответил Бартан.

Он снова повернулся к юрте. Оттуда донёсся крик Сунигул, полный боли. Буха, сидевший у костра, вдруг поднял голову. Его глаза, обычно полуприкрытые, широко раскрылись, и в них отразился огонь. Он смотрел на запад, где исчез всадник, его губы шевелились, произнося слова, которые никто не понимал. Потом он снова опустил голову и продолжил бросать травы в огонь, словно ничего не произошло. Молния ударила снова. Небо разорвалось от края до края ослепительно-белой вспышкой, и через мгновение грянул такой мощный гром, что земля задрожала. Кони в загонах взвились на дыбы, испуганно ржа. Женщины внутри юрты вскрикнули. Сунигул выгнулась дугой и начала истошно кричать. Бартан рванулся к входу, но Мунхэ схватил его за руку.

– Туда нельзя, пока ребёнок не выйдет, ты же знаешь обычай.

Бартан знал обычай: мужчина не должен видеть, как рождается его ребёнок. Это считалось дурным знаком. Но сейчас, когда Сунигул кричала, когда гроза бушевала с такой яростью, когда что-то неведомое висело в воздухе, он не мог больше ждать. Он оттолкнул руку Мунхэ и шагнул к юрте, но в этот момент полог откинулся, и на пороге появилась Улгэн. Её единственный глаз горел в темноте, как уголь. Она смотрела прямо на Бартана.

– Стой и слушай. Сегодня рождается особенный ребёнок. Это женское дело, не мешай своей жене.

– Почему так долго, почему ребёнок не выходит из неё?

Улгэн не ответила, повернулась и скрылась в юрте. Гроза бушевала всё сильнее, ветер рвал войлок юрты, пытаясь сорвать его с каркаса. Дождь хлестал по стенам, и вода просачивалась внутрь, стекая по деревянным рёбрам каркаса. Огонь в очаге метался, как безумный, и тени на стенах плясали в дикой, неистовой пляске. Женщины, находившиеся в юрте, прижимались к стенам, стараясь не мешать Улгэн и не попадаться под ноги. Сунигул уже не кричала: она была на грани между жизнью и смертью. Её тело изгибалось в схватках, но сознание уплывало куда-то далеко, туда, где не было боли, где было только странное спокойствие. И там, в этом далёком месте, она увидела золотого орла. Он парил в бесконечной синеве, и его перья горели золотом в свете невидимого солнца.

– Впусти его. Через тебя войдёт в мир тот, у кого будет особая миссия. Ты его врата, твоя судьба – дать ему жизнь. Я приказываю тебе впустить его.

Сунигул хотела ответить, что у неё уже нет сил, что лучше умереть, чем терпеть такую боль, но сдержалась.

– Ты должна быть сильной, должна выдержать. Если ты сломаешься сейчас, ребёнок умрёт внутри тебя. Твой ребёнок станет отцом тому, кто будет великим ханом. Этот хан объединит народы и создаст империю, которой не было равных. Я приказываю тебе принять свою судьбу и держаться.

– Я не справлюсь, помоги мне Тэнгри, – прошептала она.

Орёл взмахнул крыльями и исчез. Боль вернулась с удвоенной силой, послышался голос Улгэн, зовущий её откуда-то издалека:

– Тужься сильнее, тужься сейчас, пришло его время.

Сунигул собрала все силы, которые у неё оставались, и толкнула ребёнка из себя. Ребёнок появился на свет в тот самый момент, когда молния ударила в ближайшее дерево. Столб огня взметнулся к небу, и гром грянул так, что задрожали стены юрты. Но никто не обратил на это внимания. Все глаза были прикованы к маленькому, сморщенному существу, которое Улгэн держала в руках. Мальчик не кричал, как обычно кричат новорождённые. Его глаза, тёмные, как степь ночью, были открыты и смотрели на мир с немигающим вниманием. Его правая рука была сжата в кулак. Улгэн разжала его пальцы. В кулаке ребёнка был тёмно-красный сгусток крови. Кровь не стекала, не пачкала кожу.

Женщины в юрте замерли, кто-то вскрикнул. Но Улгэн не отводила взгляда, её единственный глаз горел ярче, чем все молнии этой ночи.

– Это он, – голос её дрожал. – Впервые за многие годы появился предвестник. Тот, от кого родится сын неба, тот, кто умрёт, чтобы жил другой.

Она подняла ребёнка на вытянутых руках, свет от очага упал на его лицо.

– Назовите его Есугей, так звали его деда. И это имя будет первым звеном в цепи, которая протянется через века.

Мальчик родился в год, который позже, в хрониках, назовут годом великой стужи. Но об этом узнают только через много лет. Сунигул обессиленно протянула руки к сыну. Улгэн вложила ребёнка в её объятия, мальчик прижался к груди матери.

Буря начала стихать так же внезапно, как и началась. Бартан вошёл в юрту. Он был мокрым с головы до ног, его волосы и борода прилипли к лицу, но он не замечал этого. Его глаза искали жену. Сунигул лежала на шкурах, бледная, измученная, но с улыбкой на губах, а рядом с ней, в колыбели из мягкой овечьей шерсти, спал ребёнок. Бартан подошёл медленно, словно боясь спугнуть что-то, опустился на колени рядом с женой и долго смотрел на сына. Мальчик был маленьким, меньше, чем другие новорождённые, которых ему доводилось видеть.

– Он жив? – спросил Бартан.

– Жив, отдыхает, – ответила Сунигул.

Бартан протянул руку и коснулся пальцем щеки сына; его кожа была мягкой и тёплой. В этот момент мальчик открыл глаза и посмотрел на Бартана понимающим взглядом. Он тоже увидел сгусток крови, через секунду сгусток растворился, словно его никогда и не было. Бартан повернулся к Улгэн, которая стояла в тени, наблюдая за ними своим единственным глазом.

– Что это значит? – спросил он. – Что значит этот сгусток крови?

– Это значит, что Тэнгри его выбрал. Это значит, что исполняется воля богов и вокруг твоего сына будет ходить смерть.

Бартан сжал кулаки. Он не боялся смерти, он встречал её лицом к лицу сотни раз. Но сейчас, глядя на сына, он чувствовал страх за него. За мальчика, который только что родился, но уже был отмечен необычной судьбой.

– Я защищу его, клянусь.

Улгэн покачала головой.

– Ты не сможешь защитить его от судьбы. Но ты можешь научить его быть сильным. И когда придёт время, ты должен отпустить его.

Бартан не ответил. Он снова посмотрел на сына. Мальчик спал, его дыхание было ровным и спокойным. Буря окончательно утихла, небо очистилось, и на востоке показались первые звёзды. В улусе постепенно возвращалась жизнь. Люди выходили из юрт, проверяли, что пострадало от грозы. Новость о рождении сына Бартана уже разлетелась; люди подходили к юрте вождя, чтобы выразить своё почтение и оставить дары. Они оставляли куски мяса, шкуры, бусы из бирюзы, но никто не решался войти внутрь. Что-то останавливало их. Юрта Бартана словно светилась изнутри невидимым светом, который притягивал и отталкивал одновременно. Внутри Улгэн сидела у очага, глядя на огонь. Её губы шевелились, произнося слова, которые слышали только духи. Она видела мальчика, который вырастет и станет воином, видела его смерть, но не могла этому помешать. Она подняла голову и посмотрела на Сунигул, которая спала рядом с сыном. Молодая женщина была измучена, но её лицо было спокойным. Улгэн улыбнулась, впервые за многие дни.

– Ты справилась, Сунигул, ты впустила его в этот мир.

Она снова повернулась к огню. Огонь метался, как живой, и в его танце Улгэн видела будущее – бесконечную череду событий, которые уже начались и которые уже нельзя было остановить.

Рождение Есугея было отмечено не только грозой и сгустком крови в кулаке. Утром, когда первые лучи солнца осветили степь, люди увидели, что на вершине ближайшей сопки сидит орёл. Он сидел неподвижно, глядя на юрту Бартана. Старики переглядывались и качали головами. Они знали: орёл – птица неба, посланник богов, он символ власти и силы. И то, что он прилетел именно сегодня, именно к этой юрте, было знаком того, что родился тот, кто оставит свой след в их жизни. Через несколько часов орёл взмахнул крыльями, поднялся в небо, описал широкий круг над улусом и улетел на запад, где начинались земли меркитов.

Глава 4. Тот, кто слушал ветер.

Есть дети, которые рождаются для жизни, и есть дети, которые рождаются для смерти. А есть те, кто рождается для чего-то третьего, того, у чего нет имени.

Есугей никогда не плакал – это было первое, что заметили все в улусе. Первые три года он почти не издавал звуков. Сунигул уже начала бояться, что сын немой. Новорождённые дети кричат, требуют грудь, беспокоят матерей по ночам, рыдают от голода, холода или просто от страха перед новым, незнакомым миром. Есугей всегда молчал. Он лежал в колыбели из овечьей шерсти, устроенной возле Сунигул, и смотрел в потолок юрты, на дымовое отверстие, через которое днём пробивался свет, а ночью заглядывали звёзды. Колыбель Есугея была обтянута кожей, по краям были пришиты бусины из бирюзы и амулеты для защиты от злых духов. К изголовью была привязана маленькая фигурка волка, вырезанная из дерева. А над колыбелью, на верёвке, натянутой между двумя жердями, висели волчий зуб, орлиное перо и кусочек янтаря. Всё это должно было защищать ребёнка и приносить удачу.

Шли дни: солнце вставало на востоке, поднималось над степью, описывало свой вечный круг и садилось на западе. Луна сменяла солнце, звёзды зажигались на чёрном бархате неба, и степь погружалась в сон. Потом снова вставало солнце, и всё повторялось: день, ночь, день, ночь. Так прошёл год, потом второй. К трём годам Есугей всё ещё не говорил. Есугей рос медленнее, чем другие дети. Он поздно начал держать голову, переворачиваться и поздно начал сидеть. Сунигул тревожилась, но Улгэн успокаивала её: всё так, как и должно быть. Но Сунигул всё равно тревожилась, подносила сына к груди, которую он брал неохотно, словно не чувствуя голода. Она меняла ему пелёнку – он не плакал, пела ему песни, что пела ей мать, – но Есугей не улыбался и не хмурился.

– Почему он не плачет? – спросила она однажды у Улгэн, когда старая шаманка пришла проведать ребёнка. – Он никогда не плачет, разве это нормально?

Улгэн взяла младенца на руки, посмотрела в его глаза. Потом улыбнулась.

– Он не плачет, потому что ему не страшно. Он чувствует, что сейчас с ним всё будет хорошо и что он избран Тэнгри.

Сунигул не понимала всего. Но она верила Улгэн, своим снам, чувству, которое поселилось в её сердце с момента рождения сына. Она знала, что её ребёнка ждёт великое будущее. И она знала, что должна быть сильной, чтобы это будущее стало возможным.

Бартан тоже заметил странность сына. Он приходил в юрту по вечерам, садился у очага и смотрел на колыбель. Мальчик лежал тихо, глядя в потолок, его глаза отражали огонь, но на отца он не реагировал. Иногда, когда Сунигул уходила, Бартан брал сына на руки. Он держал его неловко, но в его движениях была осторожность и нежность. Он смотрел на маленькое личико, на тёмные глаза, на сжатые кулачки, и что-то в его груди теплело. Это было не то чувство, которое он испытывал к старшим сыновьям – Мунгэту и Хасару. К ним он чувствовал гордость, ответственность, желание воспитать из них воинов. К Есугею он чувствовал страх перед тем, кем он станет, перед тем, что ждёт того впереди.

– Ты боишься его, – сказала как-то Улгэн, глядя на Бартана своими всевидящими глазами.

– Я боюсь не его, я боюсь за него.

– Это правильно, бойся. Страх – не слабость, если ты можешь его преодолеть. Но не позволяй страху управлять тобой, позволь ему направлять тебя.

*****

Когда Есугей сделал первый самостоятельный шаг, Сунигул вскрикнула от радости, Бартан, бывший в тот момент в юрте, хмыкнул одобрительно. Но радость была недолгой: мальчик не пошёл ни к матери, ни к отцу. Есугей пошёл к выходу. Он ковылял на неокрепших ножках, спотыкаясь, падая, поднимаясь снова, но упрямо двигался к пологу, который закрывал вход. Сунигул пошла за ним, но Бартан остановил её.

– Не мешай, пусть идёт своей дорогой.

Есугей добрался до полога, ухватился за край и выглянул. Снаружи был целый мир – огромный, яркий, полный звуков. Ветер ударил ему в лицо, растрепал редкие волосёнки, заставил зажмуриться. Но мальчик не отступил: он стоял на пороге, глядя на степь, которая простиралась до горизонта. Сунигул смотрела на сына, и слёзы потекли по её щекам; она не знала, отчего плачет. Бартан подошёл к жене и обнял её за плечи.

– Он уйдёт от тебя, когда придёт время, и ты не сможешь его удержать.

– Знаю, – ответила Сунигул. – Но я буду рядом, столько, сколько смогу.

Ветер трепал волосы мальчика и говорил с ним. Если бы Есугей уже понимал слова, то услышал бы: «Не бойся, Тэнгри приглядывает за тобой».

С этого дня Есугей часто стоял у входа в юрту, смотрел на степь, на её бескрайние просторы. Смотрел на небо, на его синеву, облака и звёзды. На реку, на её течение и блеск. И слушал голос ветра, который пока не понимал. Через три года Есугей впервые заговорил о ветре. До этого он почти не разговаривал, произносил отдельные слова, но не строил фраз. Сунигул уже начала беспокоиться, что сын так и не научится полноценно говорить, но Улгэн успокаивала:

– Он заговорит, когда придёт время. И тогда вы услышите нечто, чего не слышали никогда.

И вот однажды, весной, когда степь покрылась свежей травой, Есугей сидел на холме недалеко от стойбища. Сунигул была рядом: она никогда не оставляла его одного, чувствуя, что он нуждается в постоянной защите. Мальчик смотрел, как садилось солнце, и вдруг сказал:

– Мама, я слышу, как ветер говорит.

Сунигул вздрогнула.

– Что ты сказал, сынок?

– Ветер говорит со мной, но я не понимаю, что он хочет от меня. Он говорит, что придёт время и я должен буду искать свою женщину, что это воля Тэнгри. Мама, я не понимаю, зачем мне искать другую женщину, ты же моя единственная женщина?

Сунигул задумалась: слова сына были понятны ей, он говорил про поиск будущей жены, которая станет матерью их ребёнка. Она вспомнила орла, который говорил с ней, когда она рожала Есугея. Теперь её сын, который ещё не умел толком держать ложку, говорил о вещах, которых не мог знать.

– Кто тебе это сказал?

– Я же говорю, мама, ты меня не слушаешь, мне сказал это ветер. Он часто говорит мне что-то, что я не могу понять.

Сунигул обняла сына и прижала к себе, не найдя ответов на его вопросы. О разговоре Сунигул рассказала Бартану.

– Думаешь, с ним правда говорит ветер?

– Я не знаю, – ответила Сунигул. – Но думаю, что он не стал бы меня обманывать.

Бартан кивнул: он тоже верил, но не мог перестать удивляться всему, что происходило.

Весна шла своим чередом, степь расцветала, тюльпаны и маки вспыхивали алыми и жёлтыми пятнами на фоне молодой зелени, и казалось, что сама земля горит, охваченная пламенем жизни. Птицы возвращались с юга; стаи гусей, уток, журавлей тянулись по небу, и их крики наполняли воздух радостью и надеждой. Река Онон выходила из берегов, вода поднималась, затапливая низины, оставляя после себя плодородный ил. Люди радовались весне. В это время

Есугей начал видеть сны, но не такие, как другие дети. В них приходил орёл, он кружил над степью и говорил одну фразу:

– Ищи свою судьбу.

Есугей просыпался в холодном поту, его сердце билось так, словно хотело вырваться из груди. Он не понимал, что значит эта фраза, но чувствовал, что должен был что-то найти. Он рассказывал о снах матери; Сунигул слушала, и её сердце сжималось от тревоги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.